

Нея Марковна, на презентации вашей новой книги в Доме приемов МИДа собрались звезды нашего кино и театра. Михаил Ульянов, Алла Демидова, Рустам Ибрагимбеков... Была продемонстрирована просто удивительная любовь к киноведу, критику! А ведь многие режиссеры, писатели, художники к критикам относятся, мягко говоря, неприязненно... Как вас угораздило ступить на эту опасную стезю - критиковать?

- Я была страшная театралка лет с десяти-одиннадцати, но никогда не хотела быть ни актрисой, ни режиссером, а именно критиком, чтобы смотреть и оценивать. Окончив школу, поступила в ГИТИС на театроведческий факультет. Так по этой линии и пошла, никогда с ней не сворачивая.

Критик - профессия благородная. Если критик настоящий, а не халтурщик, не самозванец. Это человек, который данные ему творческие способности отдает другим творческим людям и уже через них - всем, кто любит искусство. Что же касается отношения к нам со стороны творцов... Мои коллеги знают: если ты художника хвалишь, ты в его глазах - самый первый человек на свете, гениальный, образованнейший, умный, прекрасно пишешь. Если ты кого-то ругнул, с тобой прежде всего перестают здороваться. Потом порой вообще перестают общаться. Это в человеческой природе. Я на такую враждебность не обижалась. Просто всегда старалась быть объективной.

Вспоминаю одного выдающегося французского писателя, выступавшего и в жанре критики, который наставлял: «Не пей коньяк с режиссером!» Проблема вечная, ибо трудно решаемая. Как вы с ней справляетесь?

- Иногда приходится быть увертливой чисто физически. Ведь как бывает на премьере в Доме кино? Фильм заканчивается, а при выходе из зала стоит режиссер и выслушивает, кто посетил премьеру, какие у кого физиономии. И вот стараешься проскочить через черный ход, чтоб не быть вынужденной отвечать на вопрос друга-творца: «Ну как?»

Но все-таки, если ваш друг или заслуженный, любимый народом художник вдруг снял бездарный фильм, - вы будете его ругать, хвалить или отмолчитесь?

- Ох, отмолчу-у-сь... Но если фильм меня очень радует, я обязательно о нем скажу. А если молчу - умному достаточно. Очень мало таких творцов, ну просто очень мало, с которыми можно нормально поговорить и по-товарищески сказать: тут не все удалось, там надо дотянуть...

Может ли критик в своих работах раскрыть душу, подобно поэту? Ведь есть расхожее наблюдение: критик переводит язык образов на сухой язык понятий. Всегда ли это верно?

- Я думаю, что раскрыть свою душу критику гораздо труднее, чем поэту. Именно потому, что критик работает опосредованно, на материале произведений другого человека. Мне как критику в первую очередь важно адекватно объяснить произведение искусства, хотя в идеале абсолютная адекватность невозможна, но, как бы оно ни было мне близко, какие бы личные ассоциации ни вызывало (а это тоже бывает интересно читателю), я думаю, не стоит свое «я» выпячивать.

Нея Марковна, вы все-таки от избранного в юности пути отклонились. Почему и когда театру предпочли кино?

- Причина трагикомическая. Это произошло в последние сталинские годы, в начале пятидесятых. В кино малокартинье, в театре - тоже кризис. И вот как-то раз я в течение суток посмотрела спектакли «Донские шахтеры» по пьесе Леонида Лукова, «Московский характер» по пьесе Анатолия Софронова. И решила: буду ходить в кино. В кино все это безобразно короче: только полтора часа. А в театре с антрактами надо потратить часа четыре...

Это, конечно, смешно, но была и более глубокая причина. Я много занималась и продолжаю заниматься оперативной критикой, чем и горжусь. Но мне захотелось изучать историю искусства лицейства, драматургии, режиссуры. Изучая спектакли, точной картины творческого процесса в масштабах страны представить не можешь. А кино - все на пленке. Но что более важно: в кино в те времена в большей степени была отражена жизнь. Я стала первой из театральных критиков, которые перебежали в кино. А за мной последовали очень талантливые Майя Туровская, Юрий Ханютин, Инна Соловьева. Они, как и я, вдохновились тогда великим подъемом мирового кинематографа.

Как вам удавалось в годы подъема мирового кино смотреть у нас, за «железным занавесом» шедевры, созданные на Западе?

- Молодежь это непонятно, потому что она слабо информирована. На самом деле в нашей стране их показывали. Не только

Нея ЗОРКАЯ: КОЧКИ ДА ПРИГОРКИ... НО ПОЗАДИ-ТО - ЭЛЬБРУС!

Нея Марковна ЗОРКАЯ - один из авторитетных отечественных киноведов и кино-критиков, заслуженный деятель искусств, профессор. Вышедшая в 1966-м ее книга «Портреты» опубликована не только в Советском Союзе, но и в Болгарии, Венгрии. Исследование «Советское кино сегодня» в 1988 году издано в Индии, вышедшая в США книга «Иллюстрированная история советского кино» в 1994-м переиздана в Японии массовым тиражом. Профессор Зоркая преподает на Высших режиссерских курсах, в Российском государственном гуманитарном университете. Недавно вышла новая книга Неи Зоркой - «История советского кино», считающаяся наиболее полной энциклопедией отечественного киноискусства с начала XX века до середины восьмидесятых.

на закрытых просмотрах для идеологов и профессионалов, но и в прокате. Конечно, специалисты видели больше, на сеансах на Малой Дмитровке, где сейчас Ленком, а еще в Доме кино... Но в 59-м прошел I Московский кинофестиваль! Сколько на нем было прекрасных фильмов, и сколько зрителей их увидели!

Михаил Ульянов говорил, что вы помогли кинематографистам, когда им было плохо. В какой-то момент вас за это даже исключили из партии. Расскажите, пожалуйста, как все было. Для начала: кому вы помогли?

- Естественно, помогала не одна я. Люди достойные помогали нашим творцам, когда чиновники препятствовали им нормально работать. Многие критики выступали в защиту «Андрея Рублева», когда режиссеру Андрею Тарковскому ставили палки в колеса. Я написала тогда большую статью в защиту фильма. Мои единомышленники оказались на плохом счету у начальства, но из партии исключили меня. Потому что еще подписала и коллективное письмо в защиту писателей Синявского и Даниэля, изданное в самиздате письмо 53 членов Союза писателей. В первых строках были Зренбург, Каверин, а в нижних строчках фамилии молодых критиков, где значилась и я. Поначалу нас, подписантов, прорабатывали на партсобраниях. Пожалуй, снисходительно. Но я ведь подписала и второе письмо, уже в защиту Гинзбурга и Галанскова, которые опубликовали за границей «Белую книгу» о процессе Синявского и Даниэля. Тогда-то меня и исключили из партии. Вот в этом самом помещении Института искусствознания, в котором мы сейчас с вами разговариваем.

Это в те времена означало конец карьеры, увольнение с работы... Как вы справились со столь грустной ситуацией?

- Я вступала в партию в День Победы, потому что мой отец погиб в ополчении, защищая Москву, вступила, искренне желая этого. А потом, когда увидела, как за несогласие с генеральной линией партии людей увольняли с работы, мое отношение к КПСС изменилось...

Так вот, после моего исключения из партии у меня отчаяния не было. Времена-то уже постсталинские! Поднялся шум на Западе: мол, в Советском Союзе преследуют за убеждения. А обо мне во Франции писали как о молодом киноводе, который с любовью пишет о французском кинематографе. К тому же в верхах тогда вышел указ, по которому после увольнения сотрудника должны были трудоустроить на тот жеклад. Директором Института искусствознания тогда

работал Владимир Кружков - ученый, который прославился тем, что входил в комиссию, издававшую биографию Сталина. Сейчас вспоминать об этом очень смешно. Долдон был полный, ну полный, хотя и не злой человек. Он сказал: «Нея, я вас как ученого ценю, а как человека не уважаю. Вы должны письменно признать, что вас уволили за грубую политическую ошибку». Я не признала. В результате меня не уволили, но понизили в должности. За грубую политическую ошибку. Меня поддержала подруга, замечательный критик Людмила Белова, кавалер ордена Красного Знамени, фронтовичка, которая всю войну прошла, участвовала в штурме Берлина. Ну так чего бояться мне? На самом деле я боялась, что меня могут вышибить из Москвы. Да что там говорить, боялась даже участкового милиционера. Но когда меня не уволили с государственной службы, я успокоилась. Да, меня отстранили от писания истории советского кино, но я стала писать диссертацию для тех, кому это было не под силу. Дело житейское. Многие коллеги говорили: «Нея, ты на негритянской работе не пропадешь». Самое смешное, что недавно, когда с того дня, в который меня выгнали из партии, прошло 17 лет, моя дочь об этом вспомнила и сказала: «Мам, мне тут хорошее вино прислали из Парижа. Давай выпьем».

Вы как-то говорили, что не надо идеализировать хрущевскую оттепель, потому что и тогда были гонения на свободную мысль. Еще говорили о власти партии в искусстве и о власти бизнеса, от которой искусство стонет в наши дни. Так вот сейчас, когда прошло время разоблачений прошлого засилья партии, многие творцы ностальгически вздыхают о тех временах. Так какая же цензура хуже?

- Трудный вопрос. Но мне еще в советские времена многие режиссеры во Франции говорили: «Вы не знаете, что такое продюсер». Да, жизнь за «железным занавесом» я вспоминаю как ужас. Да, теперь нет категории людей, которых называли стукачами. Мы не испытываем того страха перед участковым милиционером, который испытывали прежде. Нынешние чиновники не давят на творцов. Что же касается спонсоров, они сейчас совсем не такие, какими были их предшественники, меценаты Серебряного века, радующие за великую русскую культуру - Третьяковы, Морозовы...

Так то были Третьяковы, Морозовы. А сегодня!

- Вот-вот! Меня как-то поразили элитный французский режиссер, красавец, признанный гений французского кино. Он пришел

на прием с какой-то кричаще одетой теткой. Он был с ней очень почтителен. Ведь она была его продюсером. А сколько у нас нынче продюсеров-идиотов! Они, как правило, об искусстве не думают. Но в советские времена были чиновники, которые искренне старались содействовать людям искусства. Они втихари мужлевали в общении с вышестоящим начальством, чтобы продвинули сценарий, запустить в производство фильм. Да, творцы их по-разному обманывали, но поэтому и злов язык в искусстве процветал, и неплохие произведения создавались - тонкие и глубокие, понятные зрителю.

Что еще характерно для советского кинематографа?

- Прежде всего - это великий кинематограф. Настоящее, высокое искусство. А сейчас мы склонны плеваться в этот чистый колодец. Рубить сук, на котором сидим. Я в Америке уже лет восемь регулярно провожу ретроспективы нашего кино. Так вот, и там признают: советское кино - Эльбрус, высочайшая вершина в искусстве. Те наши фильмы, в том числе комедийные - не развлекаловка, советские фильмы рассчитаны на интеллигентного зрителя и служат духовным потребностям человека. Да, было много картин средних, но гораздо больше замечательных произведений искусства. Они сейчас смотрятся по-другому, читаются и чувствуются по-другому, но с великим интересом - я бы сказала, постигаются гораздо глубже, чем в то время, когда были созданы. А значит, это не однодневки. Это фильмы, обретающие новую жизнь в восприятии новых поколений. Становятся классикой. Я ведь преподаю историю советского кино, все время кручусь среди новых и новых подростков и девушек, знаю, как они воспринимают советское кино. И потом советское кино - это прекрасная школа для новых поколений творцов. Наш кинематограф всегда был человечным. Многие произведения советского кино выше иных оскаровских лауреатов. Недавно Марлен Мартынович Хуциев сказал: «Снова посмотрел «Служили два товарища». Какой прекрасный, глубокий фильм, какие актерские работы!» Почему-то эта картина ни на каких фестивалях не получила призов. Если сейчас смотреть фильмы про деревенского детектива Анишкина, ясно, что они очень талантливы. А ведь как к ним придирались!

Да кто же придирался, Нея Марковна?

- Всякое снобы!.. Я уж не говорю о Леониде Гайдае. Его комедии наша критика просто профукала. Советское кино - очень

сильное кино. Жаль тех, кто этого пока что не понимает.

Современное российское кино унаследовало его традиции?

- Да, конечно. И развивает, то есть преемственность ощущается, но проявить ее порой чудовищно трудно. Много обстоятельств этому мешает.

Говорят, что оно сейчас на подъеме...

- Да как сказать. Очень много провалов. Но одно дело, когда создается 50 фильмов, другое - когда 25. Чем больше, тем лучше. К горной вершине ведут сначала кочки, потом пригорки, затем предгорья, обойти их трудно. Главное, что есть кинематографисты, которые понимают, что такое хорошие фильмы, и хотят их снимать.

Говорят, что когда-то кино оглуляло народ, потом стало утешителем, развлекателем, потом стало искусством сопротивления и противодействия. Чего в нынешнем кино больше?

- Да как всегда, в нем есть все. В советские времена шедевр Отара Иоселиани «Жил певчий дрозд» проваливался в прокате, а «Свадьба в Малиновке» шла на ура. Так и сейчас. Хотя нет - сейчас хуже. Сейчас реклама зрителя гипнотизирует. «Ночной дозор» преподносится публике как шедевр. Но это даже и не шлягер. А сколько таких, с позволения сказать, раскрученных призованы владеть умами? Нынче лучшие наши фильмы впрямую не сопротивляются, не противодействуют, просто зывают к сердцу порядочного человека.

Все очень недовольны решениями жюри Московского кинофестиваля прошлого года. Но какие там игры? Да, президент кинофестиваля Никита Михалков осуществляет свою политику. Но в прошлом году председатель жюри американец Алан Паркер проводил политику свою. Три приза из пяти пробил своим фаворитам. Но все разговоры об интригах, об оплате мнений неправомысленны - это досужие суждения обывателей. Никто не был куплен. Просто авторитетные кинематографисты убедили своих коллег. Я точно знаю, что председателя жюри последнего Московского кинофестиваля Валентина Черных не купили. Он человек с очень твердым характером.

Вы знаете столько закрученных сюжетов, сплетен. Можете рассказать, что один режиссер украл права на фильм у другого, а Тенгиз Абуладзе свое знаменитое «Покаяние» вообще снимал тайком.

- Сплетни - это прекрасно. Они интересны зрителю, читателю. В сплетнях таится многое. Я, разумеется, не говорю о сплетнях грязных. Я - о тех, что составляют историю кинематографа. Сплетнями можно считать закадровый мир кино. Надо влезать в Интернет, но осторожно: там много вранья. Действительно интересные, высокие сплетни рождаются не из подглядывания в замочную скважину, а из присутствия неравнодушного человека на съемочной площадке. Потом и с талантливыми людьми легче будет общаться.

Смешной вопрос: вы согласны, что не стоит пить коньяк с художником. Но суперзвезды признаются, что любят с Неей Марковной выпить. Ну и как вам в такой ситуации?

- Я всю свою долгую жизнь живу в Москве, кручусь в сложном мире, может быть, для меня стали главными именно дружеские отношения со знаменитыми кинематографистами, а не взаимоотношения критика и критикуемого. Когда Демидовой дарят прекрасное французское вино, она меня приглашает его распить. И ей неважно, что я о ней пишу.

Что вы скажете о нынешней кинокритике?

- Конечно, я ею абсолютно не удовлетворена. Вот киноведение у нас более благополучно. Выходят серьезные книги серьезных исследователей, интереснейшие киноведческие записки, солидные публикации в толстых журналах. Но оперативная кинокритика в газетах, на телевидении находится на очень низком уровне. Сейчас говорят о продажности критиков, которые, мол, строят карьеру не на подхалимаже перед чиновниками, а на торговле своими оценками. Это не так. Странные суждения критиков, порой вызывающие у зрителей недоумение, - не от продажности, а от апломба. Апломб, как правило, сопутствует невежеству. Например, молодой коллега говорит: «Как известно, Гоголь умер в Италии». Комментарий излишний. Или недавно с телеэкрана прозвучало: «В отличие от Канн, где нас недолюбливают, в Венеции нас любят». Откуда, коллеги, вы взяли, что в Каннах нас недолюбливают? Да ниоткуда, просто стиль нынче в критике такой: трепотня. Я преподаю в высших учебных заведениях. Студенты очень талантливы, на занятиях за 40 минут могут написать великолепное эссе. Если бы они вошли в профессию и сохранили свежесть своих суждений!

**Беседу вел
Елена БЕЛОСТОЦКАЯ**